

**К ВОПРОСУ О КОНСЕРВАЦИИ ТРАДИЦИИ В
ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ
(на материалах родильной и похоронной обрядовой
практики болгар Южной Бессарабии)**

Галина Стоянова

Национален университет „И. И. Мечников“ – гр. Одеса, Украина

**ON THE ISSUE OF THE PRESERVATION OF TRADITIONS IN A
MULTI-ETHNIC SOCIETY
(fieldwork data related to birth and burial rituals of t
he Bulgarians in South Bessarabia)**

Galina Stoyanova

National University „I. I. Mechnikov“ – Odessa, Ukraine

Abstract

The article explores the dynamics of family-oriented rituals still preserved or memorized in the Bulgarian diaspora in South Bessarabia. The author argues that the multi-ethnic society helps preserve segments of traditional culture related to childbirth and funerals as part of the national identity.

Key words: *traditions, childbirth, funerals, identity, multiethnic.*

В последнее время очень остро встал вопрос о сохранении традиций. Это в первую очередь связано с различными механизмами трансформации во многих отраслях культуры. Предметом нашего исследования является механизм функционирования традиции в полиэтнической среде, степень ее консервации в различных исторических условиях и в контексте трансформационных влияний. Нашей задачей будет исследовать, каким образом сохраняются традиционные элементы в сложной политической, исторической и этни-

ческой ситуации. Прекрасную возможность для данного аспекта исследований предоставляет такой регион как Южная Бессарабия, который на протяжении XX в. входил в состав нескольких политических образований. Объектом для исследования выбран родильный и похоронный комплексы обрядов и обычаев болгар Южной Бессарабии. Источниками являются полевые материалы, собранные во время этнографических экспедиций Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, которые проводились в 90-2000-е гг. в болгарских селах Южной Бессарабии.

Родинный ритуал, как и остальные ритуалы жизненного цикла, начинается задолго до родов и завершается значительно позже после них. Отправной точкой родильного ритуала, согласно народной традиции, следует считать момент зачатия, нахождение ребенка в утробе и затем роды.

Поведение беременной, согласно народным представлениям, непосредственно связано с будущими качествами ее ребенка. Это обуславливает наличие в болгарской обрядовой практике системы запретов, регламентирующих поведение беременной женщины. Ей не разрешалось садиться на пустое ведро либо мешок, иначе ребенок будет голодным; пинать кошку или собаку ногой, чтобы ребенок не родился волосатым; красть, смотреть на огонь – если женщина испугается при этом и схватится за любой участок тела, то именно в этом месте у новорожденного будет родимое пятно; запрещалось беременной смотреть на некрасивых, больных людей, калек, не рекомендовалось ходить на похороны, поминки, посещать кладбище и многое другое. Соблюдение запретов было обязательным и должно было таким образом гарантировать защиту будущего ребенка от болезней, физических недостатков, «нечистой силы». Следует отметить, что данная система запретов является довольно таки устойчивой и актуальной и для современной культуры бессарабских болгар. Кроме этого, аналогичный комплекс запретов и схожая их мотивировка фиксируется и у других славянских этносов Южной Бессарабии – русских и украинцев.

Ритуальные действия родильного цикла обрядов направлены на то, чтобы помочь ребенку с момента появления на свет постепенно стать полноценным членом общества. Кроме содействия приобщения

новорожденного к обществу, участники этих действий должны были передать ему определенный опыт, заботиться о будущем младенца. Выполнять эти важные функции общество могло доверить только отдельным представителям. Среди них ведущее место в традиционной обрядовой практике отводилось бабке-повитухе (*баба*). Со второй половины XX века обращение к повитухам постепенно теряет свою актуальность и все ритуальные действия, связанные с повитухой исчезают из народной практики. Об особенном отношении к повитухе среди односельчан свидетельствует зафиксированный у болгар обычай отмечать 21 января *Бабин ден*, как день бабок-повитух. В этот день она получала от женщин, у которых принимала роды, подарки (вино, мыло, отрез ткани и др.). Письменные источники свидетельствуют, что на *Бабин ден* бабке еще и могли устроить купель возле пруда или колодца¹. В настоящий момент в болгарском народном календаре данный праздник сохранился, несмотря на отсутствие главного «виновника торжества», но преобразовался в своеобразный женский праздник, почитания материнства, так как основные его участники – это уже рожавшие женщины.

Для болгарской народной культуры устойчивой и актуальной является архаическая вера в демонов судьбы – *орисниц* (*урисниц*). В мифологии южных славян так именуются вещие жены, нарекающие судьбу младенца. Согласно традиционным представлениям, именно в их руках находилась судьба ребенка, отсюда и встречающиеся на Балканах названия этих демонов – *судженицы*, *наречницы*². Они посещают ребенка на третий день после рождения и предрекают ему будущее, зачастую назначая продолжительность жизни. Предсказание могла услышать во сне либо мать ребенка, либо же кто-либо из родственниц, кто находился рядом с новорожденным.

Данная вера является архаичной, и вместе с этим довольно устойчивой, так как бытует до сих пор, что подтверждается полевыми материалами этнографических экспедиций последних десяти лет. Представления об *орисницах* до сих пор хорошо сохранились как у бессарабских болгар, что фиксируется во время полевых исследований, так и на территории Болгарии³.

Согласно исследований, через некоторое время после родов (на 2-й, 3-й день) *леусу* (роженицу) проводывали и делали это только

замужние женщины (родные, близкие, соседки). Собирались для того, чтобы отпраздновать рождение ребенка. Они приносили с собой *ляп* (хлеб), пеленки, подарки ребенку, монетки. Этот традиционный обычай получил название *малка пита* либо *пита*, *питка*. Название, видимо, непосредственно связано с обычаем раздавать все присутствующим в этот день в доме *леусы* специально испеченные к этому дню *питки* (коржики), которые при этом могли еще смазывать медом. Кроме этого, для того, чтобы у ребенка были ямочки на щеках, в питах делали небольшие углубления, а затем слегка надавливали на щеки малыша. Кроме питок обязательных блюд к этому дню не существовало. Единственное условие – в пост готовили только постную пищу.

У бессарабских болгар зафиксировано еще одно название этого дня, о котором хотелось бы сказать отдельно, а именно – *буганик* (с. Суворово Измаильского р-на). Н. С. Державин зафиксировавший этот обычай в начале XX века отмечал, что на *буганик* (обед на полу) от имени родильницы приглашали родственников две девушки 15-16 лет, одетые обязательно в платье родильницы⁴. Согласно нашим материалам, все, кто приходил на *буганик*, должны были на протяжении 40 дней принести обед к родильнице (*понуду*: каравай, 1-2 кушанья). Считалось, что если кто-нибудь из женщин этого не сделает, то либо она сама, либо кто-то из ее близких после рождения ребенка не будут иметь молока.

Также зафиксирован обычай собираться через неделю после родов на *топл ляп* (теплый хлеб) (с. Суворово Измаильского р-на). На *топл ляп* пекли высокий хлеб, чтобы ребенок хорошо рос. Приходили только женщины. Когда все расходились, свекровь роженицы резала хлеб и раздавала все присутствующим по кусочку. 1-й срезанный кусочек клали на печку, чтобы ребенок был высоким. Во время *малка пита*, *топл ляп*, *буганика* мать с ребенком находились в отдельной комнате. К ним приходили приглашенные и приносили подарки. А само празднование происходило в *гуляма къшита* (большой комнате).

Через некоторое время после *малка пита* (через 10-20 дней) устраивалась *гуляма пита*, которая иногда совпадала с днем крестин. В этот день приходили тоже лишь женщины, но уже большее коли-

чество и не только родня. Они приносили с собой *питу* (круглый хлеб), которую дарили матери, *ракию* (водку), курицу, подарки для ребенка. Больше всех подарков приносила кума. После одаривания все приступали к трапезе.

До 40 дней после родов, согласно традиции, нужно было крестить ребенка и устроить по этому поводу праздничную трапезу. Мальчика по обычаю крестили на 40-й день, а девочку могли и на 30-й или 35-й день после рождения.

Крестины были одним из важных этапов социализации ребенка. Крещение происходило с обязательным присутствием крестных родителей, к которым относились с большим уважением. Они становятся «вторыми родителями» для ребенка. У болгар *кръсник* и *кръсница* (кум и кума) – семейная пара, которая получает статус *кръсников* еще на свадьбе (именно они держат венцы над молодыми в церкви) и крестят всех детей молодой пары.

После совершения обряда крещения ребенка заворачивали в специально приготовленный для этой отрез ткани – *миро*, из которого затем мать что-либо шила ребенку. После церковного крещения родители устраивали праздничный обед по этому поводу (*кръшитенка*, *кръшитене*), на который кроме кумовьев приглашали родню, знакомых, соседей. На *кръшитене* приходили с подарками и продуктами.

Следует отметить еще один своеобразный болгарский обычай, не встречающийся у других славянских этносов региона. Когда ребенок делал первые шаги, пекли *пристапулку* – лепешку, которую мазали медом. Мать ребенка должна была при этом быстро, не оставиваясь, раздать *пристапулку* соседям из 3-х домов, чтобы ребенок хорошо бегал.

Таким образом, проанализировав опубликованные источники и полевые материалы относительно родильных обрядов и обычаев бессарабских болгар можно прийти к следующим выводам. Структура родинного цикла обрядов является достаточно разветвленной, особенно послеродовой цикл, и достаточно устойчивой с сохранением основных структурных компонентов вплоть до настоящего времени (за исключением обычаев, связанных с повитухой, остальные обряды бытуют до сих пор). Родинный ритуал бессарабских болгар в основе своей содержит универсалии общеславянской обрядовой

практики, однако при этом сохраняет этническую и локальную специфику.

Как показали полевые исследования, обрядовая практика, связанная со смертью, у бессарабских болгар имеет общеславянские черты, сохраняя при этом и на протяжении XX в. архаическую основу. Комплекс традиционных похоронных обычаев и обрядов болгар Бессарабии состоит из следующих элементов: 1) подготовка мертвеца к погребению; 2) собственно похорон; 3) поминание.

Готовили покойника к погребению от 3 до 6 человек (*купальники*) того же пола, что и умерший, обычно не родственники, пожилые люди. Использованную воду после обмывания умершего выливали в безлюдном месте, где никто не ходил, в какой-нибудь угол, яму. Согласно поверью, тот, кто наступит на это место, – долго не проживет, заболеет или станет калекой.

Особенностью у болгар отличается одежда покойника. А именно присутствие в качестве обязательного элемента нижней рубашки (варианты названий – *аса*, *пригурылка*, *миро*, *фартушка*). Эта нательная одежда покойника представляла собой отрез белой ткани около 1,5 м в ширину и метра в длину с вырезом для горловины и не сшитый по бокам. Обязательное присутствие такой одежды имеет следующее объяснение: *Пред Госпудь ставаши не в дреи в фьф фарта. Коиту га няма же бьди гол и жа го срам* (с. Владычень Болградского р-на). Обычай надевать такую нательную рубашку сохранился до сегодняшнего дня. Кроме этого, зафиксирован древний обычай хоронить умершего в венчальной одежде, который к концу XX века заменяется новой одеждой.

У болгар достаточно четко можно проследить отличия в похоронах представителей молодого и старшего поколения. По данным материала и письменных источников, в болгарских селах Бессарабии пожилого умершего одевали в одежду темных цветов, молодых же хоронили в светлой одежде⁵. Также в сообщениях респондентов встречаем упоминание о том, что гроб пожилых людей оббивали черным материалом, а молодых – красным (с. Кубей Болградского р-на), либо же гроб детей и молодых оббивали красной материей, а гроб пожилых – обжигали (с. Дмитровка Татарбунарского р-на).

Среди выразительных черт следует отметить болгарский обычай после всех необходимых приготовлений класть покойника на стол, а не на лавку, как это принято среди украинцев и русских региона. Обычай класть покойника на стол был характерным для поселений балканских переселенцев Бессарабии⁶.

Своеобразием отличается ритуал прощания с умершим. Он сопровождается особой церемонией перевязывания всех присутствующих на похоронах. Каждого, кто прощался с умершим, старшая родственница умершего (жена, невестка и т.д.) перевязывала платком либо полотенцем либо рубашкой. Все необходимое для перевязывания готовилось заранее и складывалось в узелок – *бушче*. Так называемые «дары», связанные в *бушче* находились на столе рядом с умершим. Некоторые респонденты называют этот узелок приданным, которое готовят «на ту свадьбу».

Перевязывание полотенцами всех участников похоронной процессии, название материала для перевязывания приданным позволяют провести определенные аналогии в оформлении похоронной процессии и свадебного поезда. К подобным выводам приходят и исследователи украинской и русской похоронной обрядности⁷.

Одним из самобытных элементов во время движения похоронной процессии является обычай выстилать полотно во время остановок. На каждом перекрестке улиц похоронная процессия останавливалась, на перекрестке выстилали полотенце, на которое родственники бросали деньги. Затем женщина, которая несла полотенце в начале процессии, забирала его, а дети разбирали деньги. Обычай выстилать вдоль дороги белое полотно, через которое проходила похоронная процессия, символизировал собой препятствия, которые необходимо преодолеть, чтобы попасть в «царство небесное». Этот обычай в прошлом был самобытным элементом не только болгарской, но и молдавской и украинской похоронной обрядности региона⁸.

Бросание земли в могильную яму, которое завершает погребение, болгары совершали по определенному порядку, в основе которого лежит устойчивый патриархальный принцип. Вначале землю бросали мужчины, начиная со старшего сына покойного, а потом женщины, начиная с женщины старшего сына, а потом все остальные.

Подобного порядка не придерживались остальные славянские народы региона.

У болгар Южной Бессарабии зафиксирована традиция по-разному отмечать место захоронения в соответствии с полом умершего: устанавливать временные кресты различной формы (*крест* – мужчинам, *куклу* – крест в форме схематического женского силуэта – женщинам). Данный обычай принесен болгарам с исторической родины, что подтверждается устойчивой обрядовой практикой в метрополии⁹. Однако либо под влиянием городской традиции либо из-за влияния соседних народов данная традиция постепенно исчезает, а до настоящего времени бытует только в отдельных селах.

У болгар, в сравнении с обычаями украинцев и русских региона, система поминальных трапез является более разветвленной и устойчивой.

Кроме распространенных поминок в день похорон, на 3-й, 9-й, 20-й, 40-й день, полгода, год после смерти, поминальными считались также 3-й и 9-й месяцы, а также 3-й, 6-й, 9-й годы после смерти (с. Кубей Болградского р-на).

Обязательными поминальными блюдами являются *кольво* (блюдо из вареной пшеницы) и *курбан* (обрядовое блюдо из баранины). По поверью, для *кольва* нельзя было толочь пшеницу, иначе «*же стъпчиши кокалити на умрелия*». *Кольво* пересыпали сухарями, украшали конфетами, но не придавали ему особой формы. Считалось, что только на 40-й день после смерти, когда оформляется могила, *кольво* получает прямоугольную форму. Курбан – атрибут любого коллективного праздника у болгар. Но в таком случае готовят красный курбан (баранина с красным перцем), а на поминки – белый. Кроме обычного хлеба, на поминальный обед пекут еще и особый – калачи различной формы в зависимости от пола умершего и особенные калачи для тех, кто готовил умершего к погребению (*копалнички*).

После 40-го дня обрядовые действия поминального комплекса попадают в зависимость от календарных обрядов. Самым крупным считался поминальный день через неделю после Пасхи – *Мъртви великден*. В этот день все шли на кладбище поминать умерших и несли с собой паски, яйца и т.д. Согласно распространенной тради-

ции, поминальными также считались *задушницы* (субботы накануне больших праздников): перед Троицей (самая главная), на Архангела Михаила, перед Масленицей. В этот день пекли калачи, делали курбан и раздавали «за мертвых».

Значительная часть обрядовых действий, которые составляют комплекс родильных и похоронно-поминальных обрядов, была принесена болгарами с бывших мест их проживания. Однако под влиянием совместного проживания с представителями разных этносов, городской традиции, которая быстро распространялась, благодаря высоким темпам урбанизации в регионе, произошла трансформация отдельных обрядовых элементов. Наиболее устойчивым оказался послеродовой и поминальный циклы.

Таким образом, в данном случае разноэтничность региона не выступает главным трансформационным фактором, а наоборот способствует сохранению этнических черт духовной культуры в целом, а также родинного и похоронного обрядовых комплексов в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Левицкий, А.** Нравы и обычаи болгар, живущих в бессарабских колониях. – ЗООИД, 1858, Т. IV, с. 455.

² **Кабакова, Г.И., Седакова И.А.** Младенец. – Славянские древности. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004, с. 261.

³ **Седакова, И.А.** Этнокультурный контекст болгарских фразеологизмов о судьбе и характере человека. – Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М.: Индрик., 1999, с. 125.

⁴ **Державин, Н.С.** Болгарские колонии в России. – СбНУ, 1914, с. 113.

⁵ **Демиденко, Л.В.** Культура и быт болгарского населения в УССР. – Наукова думка, 1970. с. 81.

⁶ **Державин, Н.С.** Указ. соч. – С. 149.

⁷ **Шангина, И.И.** К вопросу о пережитках древних верований в быту русских крестьян XIX века. – Этнография народов Восточной Европы. Л.: Наука, 1977, с. 121.

⁸ Демиденко, Л.В. Указ. соч., с. 82.

⁹ Вакарелски, Х. Етнография на България. С.,: Наука и изкуство, 1977. с. 494.

ЛИТЕРАТУРА

Вакарелски, Х. Етнография на България. С.,: Наука и изкуство, 1977

Демиденко, Л.В. Культура и быт болгарского населения в УССР. – Наукова думка, 1970

Державин, Н.С. Болгарские колонии в России. – СбНУ, 1914

Кабакова, Г.И., Седакова, И.А. Младенец. – Славянские древности. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004

Левицкий, А. Нравы и обычаи болгар, живущих в бессарабских колониях. - ЗООИД, 1858, Т. IV

Седакова, И.А. Этнокультурный контекст болгарских фразеологизмов о судьбе и характере человека. – Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М.: Индрик., 1999

Шангина, И.И. К вопросу о пережитках древних верований в быту русских крестьян XIX века. – Этнография народов Восточной Европы. Л.: Наука, 1977.